

УДК 340.12
ББК 67.00

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Попов Виктор Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России
lkj5@mail.ru
ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы логической природы прав человека и корректности положений о естественном характере прав человека. Основу анализа существующих подходов составляет рассмотрение онтологии прав человека через представления об особенностях их информационной природы. Делаются выводы о некорректности выведения прав человека из природы человека и предлагаются иные подходы к решению данной проблемы.

Ключевые слова: права человека, природа прав человека, информационный статус прав человека, происхождение прав человека, онтология.

В наступающий период организованной стратегической нестабильности во внутренней и внешней политике значительной части современных государств есть повод задуматься о факторах, способствующих такой организации. Думается, что в данное время даже для людей, не специализирующихся в научных изысканиях в сферах политико-правовых, достаточно очевидна двойственная природа прагматического аспекта бытия прав человека. Двойственность эта выражается в некой «обоюдострой» природе идей о правах человека. Данная «обоюдная острота» позволяет в зависимости от целей субъекта, практикующего воплощение в жизнь идей о правах человека, создать государственно-правовую действительность не менее успешно, нежели разрушать ее. При этом скорость и масштабы разрушения данной действительности могут очень мало зависеть от ее социальной ценности.

Автор полагает, что подобная двойственность имеет истоки не только и даже не столько в практической, но скорее в теоретической части прав человека.

Основой теоретико-методологических проблем теории прав человека является сме-

шение политико-идеологического и логического подходов к изучаемым явлениям. Если рассматривать первоначальную, классическую теорию прав человека, то очевидно, что она в теоретико-юридическом смысле базируется на теории естественного права. Достаточно типичным для естественно-правовых подходов является выбор средств изучения, выражающих в большей степени политико-прагматическую, нежели гносеологическую функцию общетеоретической юридической науки.

Отчасти подобное замещение объяснимо – довольно сложно найти в сфере юридической науки вопрос менее идеологизированный и политизированный, нежели вопрос о правах человека.

Это не случайно, поскольку достаточно масштабные и часто трагические для многих социальных групп преобразования государственно-правовой жизни объяснялись именно их естественностью, политико-правовой неизбежностью. И одним из самых удачных образцов политической и правовой идеологии для оправдания социальной пользы государственно-правового реформирования, причем рефор-

мирования самого радикального, является именно теория естественного права.

При этом проблема юридической природы естественного права, а точнее вопрос о его существовании, является достаточно острой.

Прежде всего это обусловлено теоретическими особенностями моделей происхождения данного права.

Помимо этого весьма сложным является вопрос о том, каково соотношение естественного права и позитивного, какие права человека являются естественными, а какие следует отнести к позитивным. Соответственно различия и критериальная ценность естественно-правовых моделей, различия возможности идеологического обоснования ценности действующего правопорядка.

Несмотря на то что в советской юридической науке вопрос о возможности заимствования естественно-правовых воззрений не мог быть решен положительно, в постсоветской юридической мысли данные идеи были достаточно быстро восприняты.

Причина этого видится в том, что идеологическая значимость естественно-правовых идей в определенном смысле довольно схожа с идеологической значимостью юридической науки марксистского толка.

Конечно, данный тезис может вызвать определенное недоумение. Но если посмотреть на диалектико-материалистические утверждения о знании объективных законов общественного развития, то очевидна их схожесть со знанием о законах (закономерностях) естественного общественного развития.

Различие между объективностью и естественностью применительно к возникновению, функционированию и развитию правовых явлений представляется для многих как весьма эфемерное, практически отсутствующее явление.

Сама модель, объясняющая возникновение и развитие государственно-правовых феноменов, остается одинаковой. Данная модель позволяет обосновать определенную неизбежность, непреложность той или иной государственно-правовой действительности, даже если сама эта действительность изменится радикально, хотя еще недавно такое изменение признавалось невозможным.

Конечно, подобные идеологические схемы очень привлекательны для субъектов полити-

ко-правовой деятельности различного уровня. Утверждение о знании естественности появления, изменения тех или иных правовых явлений особенно вырастает при возможности прямого или косвенного осуществления государственной власти, при принадлежности к политической элите пусть даже не высшего уровня.

Безусловно, в данном случае нельзя вести речь лишь о неких злоупотреблениях правовой идеологией. Учет при издании юридических норм тенденций общественного развития значительно облегчает как эффективное регулирование существующих, так и создает предпосылки регулирования возможных в будущем общественных отношений. И поэтому вполне можно согласиться с Д.А. Керимовым в том, что «определяя смысл прогнозируемых событий в сфере правовой жизни, их связи и тенденции развития, мы приобретаем способность так воздействовать на соответствующие условия, среду и факторы, что эти события изменяются в нужном нам направлении» [3, с. 389]. Безусловно, заслуживающими уважения следует считать проводившиеся в нашей стране исследования по выявлению экономических, территориальных, экологических, демографических, политических, культурных и других факторов развития общества с целью совершенствования законодательства [4, с. 158].

Однако вряд ли вызовет сомнение и тот факт, что знание не столько тенденций, сколько именно законов общественного развития по существу нереализуемо практически. Во-первых, для этого нужно *знать все* обо *всех* элементах, составляющих ту часть универсума, которую мы называем обществом. Во-вторых, нужно *знать все* обо *всех* сочетаниях этих элементов, то есть не только обо *всех* уже существующих, но и обо *всех* возможных в будущем сочетаниях. В-третьих, нужно *знать* обо *всех* взаимовлияниях *всех* комбинаций *всех* элементов, составляющих общество, чтобы определить *последовательность* реализации всех сочетаний всех элементов, составляющих общество.

Иными словами, чтобы *знать* о закономерностях общественного развития, нужно быть поистине *всезнающим*. Поскольку такое всезнание практически недостижимо, то реально мы можем говорить лишь о более или

менее точном предположении о путях общественного развития. При этом данное предположение может быть основано на мнении, на большей или меньшей убежденности в том, что обладаешь знаниями о развитии общества.

Если говорить о смене научно-юридических парадигм постсоветского периода, о замещении марксистско-ленинской теории государства и права на естественно правовую теорию, воспринятую многими видными российскими учеными, то следует уточнить, что смена эта довольно условна.

Более того, некоторая польза отхода от явно и неявно выражаемых марксистских претензий на своеобразное всезнание была в значительной мере нивелирована иллюзией обладания всезнанием новым – всезнанием в свете идей либерально-правовых. Новая претензия на всезнание в юридической сфере была ярко выражена, в частности, в новых представлениях о магистральных путях развития государства и права. Причем, хотя эти пути представлялись новыми, они по образцу правовой идеологии марксистского толка опять были объявлены как единственно правильные, как объективно верные, как естественные.

Иными словами, одни «концептуально единственно верные» государственно-правовые воззрения были относительно легко и быстро заменены на другие, столь же «единственно верные» воззрения. Исключительная верность данных воззрений обеспечивалась именно представлением о естественности определенных правовых явлений.

Такая быстрота и легкость смены концептуальных основ не только юридической науки, но и государственно-правовой практики заставляет задуматься. Не идет ли речь о своеобразном примате «веры над разумом»? Не заменен ли поиск рациональных идей о происхождении, о природе прав человека всего лишь *верой* в правильность естественно-правовых идей?

Нужны четко установленные не только идеологические, но и рациональные, логические основания для утверждения о том, что естественное право существует, о том, что права человека имеют естественное происхождение.

Поиск именно логических, рациональных оснований происхождения прав челове-

ка представляется автору предпосылкой для корректного решения вопроса о естественности прав человека.

Возьмем хрестоматийный пример – идею о том, что права человека исходят из самой природы человека. Собственно именно эту идею о связи природы человека и неких правовых притязаний и выражали естественно-правовые воззрения. Впоследствии данные воззрения были развиты в идею о естественных правах человека и о правах человека вообще.

В данной связи возникает вопрос: а насколько вообще корректно ставить вопрос в светской концепции прав человека именно о *естественности* определенных *прав* – притязаний на чужую вещь, о естественности некоторых правовых принципов, например, *sunt servanda*? Думается, что это вопрос о том, допустимо ли выводить естественность прав человека из природы человека, природы человеческих отношений, природы вещей и т. п.

Для поиска рациональных оснований ответа на данный вопрос необходимо выяснить: что есть бытие прав человека как таковых? Как они существуют вне реализации права, вне механизма их обеспечения? Иными словами, каков онтологический статус прав человека? Для удобства самых общих представлений о данном статусе представляется полезным использование идеи Карла Поппера о трех мирах как о трех сферах бытия вообще. Представления об этих сферах используются Поппером в качестве концептуальной основы для исследования онтологического статуса различных объектов.

К миру № 1 Поппер относит мир физических состояний. Мир № 2 – это мир психических состояний (*subjective experience*) [6, с.181]. К миру № 3 относится мир объективного содержания мыслей (*statements in themselves*) [там же]. В зарубежной юридической литературе весьма справедливо указывалось на конструктивность использования указанной концепции Поппера и в рамках юридической науки [5, с. 24].

Используя некоторое авторское упрощение идеи К. Поппера для целей настоящей статьи, назовем мир № 1 физическим миром, а миры № 2 и 3 – информационными мирами. Представляется, что отнесение прав челове-

ка к миру физических состояний не вполне верно, если речь не идет о реализации права и т. п. Взятые сами по себе права человека следует относить не к физическим, а к информационным феноменам.

Эта очевидная мысль порождает, однако, серьезную теоретическую проблему – проблему выводимости прав человека. Можно ли выводить информационный феномен из физического при использовании научно-правовых приемов познания? Думается, что использование накопленной базы логико-философских знаний не позволяет этого делать. Несовместим онтологический статус объектов.

Можно логически выводить информацию из информации, причем лишь в определенных случаях. Эту выводимость условно можно считать естественной.

Между собственно физическими феноменами может существовать необходимая, возможная, либо случайная связь. Необходимую связь можно было бы назвать естественной.

Но феномены информационные (правапритязания, права человека и т. п.) *не происходят из* физических феноменов (природа человека, природа вещей и т. п.), не производны из них. Конечно, между феноменами информационными и физическими существует определенная связь. Физические феномены описываются или оцениваются соответствующими высказываниями (информационными феноменами).

Но здесь нет выводимости как естественной связи. Выводимости нет, поскольку она присуща именно информационным феноменам. Соответственно, нет и естественной связи относительно подобной выводимости.

Таким образом, если понимать природу человека, природу вещей либо какую-либо иную природу как феномены, существующие в мире физических явлений (мир № 1), а права человека как информационные феномены, то данные феномены не выводимы друг из друга. Естественной связи как выводимости здесь нет. В силу этого высказывание Генерального секретаря ООН К. Аннана о том, что права человека – «это часть нас самих, и мы являемся частью этих прав» [2, с. 10], можно рассматривать только как опредмечивание абстрактных сущностей, продиктованное благими намерениями.

Однако можно попытаться установить иную связь, например, семантическую (поскольку речь идет о природе информационного феномена), то есть искусственную связь. Данная связь искусственна потому, что даже так называемые естественные языки созданы человеком. Кроме того, установление подобной связи окажется полезным, дабы предвосхитить потенциальные возражения относительно легкости авторского отнесения природы человека (отношений и т. п.) в мир физических явлений. На самом деле автор далек от мысли о том, что содержание термина «природа человека» (отношений и т. п.) является ясным и точным. Однако в нашей ситуации (при установлении выводимости одних феноменов из других) более сложным является различный онтологический статус феноменов. Поэтому именно с данного аспекта и начато рассмотрение выводимости.

Итак, следует перевести феномены, которые мы условимся считать начальными, исходными (например, природа человека и т. п.), в их описание, то есть в информационные феномены.

Отметим еще раз, что в данном случае мы идем на значительное упрощение, поскольку описание, например, природы человека не представляется задачей тривиальной. Тем более что речь идет о некоем универсализирующем описании, позволяющем адекватно отразить природу если не всех, то значительного большинства людей. Подобная универсализация необходима, поскольку мы хотим найти естественность в данной природе, а затем описать ее, выразить в суждении, то есть отразить в информационном феномене.

Сложно опровергнуть мудрость тысячелетий, призывающую «познай самого себя!». Осуществить подобный совет, как показал опыт тысячелетий, не менее сложно. А уж познать столь же глубоко и других людей – на порядок сложнее. Однако вряд ли стоит в данной связи впадать в непродуктивный агностицизм. Для целей настоящей статьи достаточно формальной схемы перевода одних феноменов в другие. Причем в настоящем контексте не имеет значения, о каком виде конечных информационных феноменов идет речь – о феноменах, принадлежащих миру № 2 или же № 3.

Получив исходные описания некоего естества (естественности природы), то есть получив объекты, пригодные для потенциальной связи, выводимости, следует определиться с информационным статусом прав человека. Это необходимо сделать для выявления возможности искомой естественности выведения одной информации (прав человека) из другой (информации как описания естества). Естественность данного уровня, то есть естественность *выведения*, будет возможна, если установить необходимость, причинность в следовании одной информации из другой. На сегодняшний день возможны лишь два вида необходимости в строгом смысле слова. Это физическая и логическая необходимость.

Необходимости политическая, экономическая, производственная и пр. являются произвольным словоупотреблением, основанным на произвольном понимании причинности и объективности, что иногда свойственно гуманитарным наукам.

Итак, если вести речь о первом виде необходимости в строгом смысле слова, о физической необходимости, то мы будем вынуждены использовать дедуктивно-номологическое следование при выведении естественности следования. С одной стороны, это было бы идеальной схемой, поскольку речь шла бы о выведении с помощью законов логики (дедукции) одних естественных законов (номосов) из других. Подобные законы как раз известны естественным наукам (физике, химии и пр.). Но проблемой в данном случае будет являться описание через строгую формализацию той изначально найденной «природы» (человека, отношений и пр.) посредством естественно-научных законов. На настоящий момент автору неизвестна подобная формализация либо реальные предпосылки к ее осуществлению. Кроме того, в рамках данной работы автор не готов осуществить подобную формализацию либо вывести предпосылки к ее осуществлению.

Если использовать схему более простую, без внелингвистической эмпирики, то есть схему с необходимостью логической, то речь будет идти о логической необходимости истинности высказывания [1, с. 14]. Данную необходимость и можно использовать при оп-

ределении естественности выведения прав человека как информации. Однако для выведения такой естественности необходимо установить, к информации какого рода относятся права человека. При этом следует установить единственность данного статуса относительно естественности выводимости данной информации.

В данной связи отдельно следует остановиться на аксиологической «необходимости». С одной стороны, его непосредственное использование именно как связующего звена, то есть как собственно «необходимость», также является не вполне оправданным. В данном случае происходит смешение терминологии аксиологических и алетических модальностей.

Конечно, с одной стороны, между аксиологическими модальностями существует определенная смысловая связь. С другой стороны, включение в аксиологическую схему алетической связи между аксиологически оцениваемыми явлениями предполагает использование все той же причинности – логической либо физической необходимости.

Вместе с тем думается, что относительно возможности иного использования практического силлогизма в поиске логических аспектов происхождения прав человека существуют определенные соображения.

Если использовать данную схему не только в виде причинной связки, в попытке обойти физическую или логическую причинность, а именно в целостности, то это может дать возможность найти логические основания происхождения прав человека как исходной либо вторичной информации в цепи феноменов *не описательного* характера.

Вместе с тем видно, что подобные основания позволят говорить об определенной естественности происхождения прав человека не только в случае отнесения ее информации описательного характера.

Именно поэтому прежде необходимо уделить более подробное внимание корректному определению информационного статуса прав человека, выяснив, имеются ли основания отнесения их к информации дескриптивного либо иного характера. Однако данное определение потребует дополнительного рассмотрения, выходящего за пределы статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивлев, Ю. В. Содержательная семантика модальной логики / Ю. В. Ивлев. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 170 с.
2. Информационные материалы ООН в Российской Федерации. Пятидесятая годовщина Всеобщей декларации прав человека. – М. : Инфра-М : Норма, 1998. – 520 с.
3. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
4. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – М. : Наука, 1982. – 257 с.
5. Amselek, P. Law in the Mind. Controversies About Law's Ontology / ed. by P. Amselek, N. MacCormic. – Edinburg : Edinburgh University Press, 1991. – 152 p.
6. Popper, K. Unended Quest. An Intellectual Autobiography / K. Popper. – Illinois : La Salle, 1976. – 275 p.

REFERENCES

1. Ivlev Yu.V. *Soderzhatelnaya semantika modalnoy logiki* [Meaningful Semantics of Modal Logic]. Moscow, Izd-vo MGU, 1985. 170 p.
2. *Informatsionnye materialy OON v Rossiyskoy Federatsii. Pyatidesyataya godovshchina Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka* [Information Materials of the UN in the Russian Federation. 50th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights]. Moscow, Infra-M, Norma Publ., 1998. 520 p.
3. Kerimov D.A. *Filosofskie problemy prava* [Philosophical Problems of Law]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 472 p.
4. Tikhomirov Yu.A. *Teoriya zakona* [Theory of Law]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 257 p.
5. Amselek P., MacCormic N., eds. *Law in the Mind. Controversies about Law's Ontology*. Edinburg, Edinburg University Press, 1991. 152 p.
6. Popper K. *Unended Quest. An Intellectual Autobiography*. Illinois, La Salle, 1976. 275 p.

**ORIGIN OF HUMAN RIGHTS:
CERTAIN LOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM**

Popov Viktor Viktorovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Volgograd Academy of Russian Internal Affairs Ministry
lkj5@mail.ru
Istoricheskaya St., 130, 400089 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of logical essence of human rights and the correctness of statements on the natural character of human rights. The analysis of traditional approaches is based on research of human rights ontology via particular qualities of their informational status. The author makes conclusion about the incorrectness of human rights derivation from human's nature and suggests alternative approaches to solution of this problem.

Key words: human rights, essence of human rights, informational status of human rights, origin of human rights, ontology.